

года со дня рождения народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии и Украинской премии актера СЕРГЕЯ ФЕДОРОВИЧА в издательстве "Яуза" выходит в свет книга "Судьба человека" — коллегам, товарищам, друзьям, актерам его фильмов, его элите национальной культуры. Писанные для книги народными и в Василием Лановым.

Я ДУМАЮ, ЧТО В ПОСЛЕДНЕЕ СТОЛЕТИЕ второго тысячелетия среди крупнейших кинорежиссеров мира имя Сергея Федоровича Бондарчука будет названо в числе первых. И тут уж "ни убавить ни прибавить", как писал другой наш великий соотечественник Александр Трифонович Твардовский. И кажется мне, что с каждым годом имя Сергея Федоровича все больше и больше будет приобретать классичность. Оно будет наполняться величием и красотой, обретать то совершенство, которым поражают нас бронзовые скульптуры, поставленные на века. Как всем большим художникам, Бондарчуку в жизни посчастливилось осуществить великие взлеты, когда одна шестая земного шара боготворила его и считала своим полпредом в киноискусстве, и пережить падения, которые, как правило, случаются в моменты нестабильные, зыбкие для страны. Именно в эти периоды разлук времени, периоды постыдные и мучительные одурманенная лживыми абстракциями толпа сбрасывает истинных богов, но через какое-то время вновь, уже совсем по другому счету, эти боги восстанавливают свою значимость в истории мировой культуры. Художническая, личностная судьба Сергея Федоровича в этом смысле не исключение.

Недавно я пересмотрел фильм "Судьба человека". Смотрел от начала до конца на одном дыхании. И опять замер перед этими его угольными, века прожигающими глазами, и с волнением отметил для себя, как же чудесно утеплен его взгляд нашей неиссякаемой, извечной славянской духовностью. А потому тем деятелям Пятого съезда Союза кинематографистов СССР, тем полублюдам, которые пытались прославиться и сотворить себе карьеру на том, чтобы взорвать эту глыбу, ничего подобного сделать не удалось. Да, на какое-то время они испортили ему жизнь. Я с ним в тот период встречался и сам переживал, наблюдая его такое удрученное состояние. Однако довольно скоро я вдруг заметил, что он не выглядит ни обиженным, ни уязвленным. Тогда он поднимал как бы на верхний этаж, возвысился над всей этой камеральной, над всеми их ничтожными, базарными претензиями...

Года через полтора после того злосчастного съезда мы с Сергеем Федоровичем в делегации от Комитета защиты мира побывали в США. Входили в нашу группу и те, опытные воздухом "свободы", раздувшиеся от неожиданности свалившихся на них возможностей, "освободители", громившие Бондарчука. И тут я до конца постиг цену всему их митинговому "правдолюбию", на деле оказавшемся пошленькой суетой. Когда мы сошли с трапа самолета, надо было видеть, как эти мелко-травчатые, возманившие себя новыми лидерами отечественного кино гордо вышагивали первыми в полной уверенности, что армия встречающих нас журналистов бросится к ним. И как же было замечательно, когда эта корреспондентская лавина, с теле- и фотокамерами наперевес, обтекающая их, устремилась к Сергею Федоровичу. А он спокойно шел последним и улыбался, скромно и светло. Десять дней мы простояли с ним плечом к плечу на всех мероприятиях и встречах. И все эти десять дней внимание журналистской рати и многих официальных лиц было направлено только на Бондарчука. Интересовались они только его мнением, расспрашивали обо всем только его, снимали только его. А я в душе веселился и торжествовал, наблюдая, как эти самоуверенные деятели очень быстро превратились в прихвостней и заматались, и чуть ли подол у Сергея Федоровича не целовали, лишь бы хоть руприца им перепала от того американского почтения, что было обращено к нему. Здорово это было. Празднично.

Хотя в ту пору в кинематографической среде раздавались лукавые голоса: мол, Бондарчуку легко быть великим, когда та "тоталитарная" власть давала ему абсолютно все, когда он был обласкан властью и щедро вознагражден. Меня такие разлагодостовования ставили в тупик: разве люди, причисляющие свою деятельность к творчеству, не знают, что русская культура во все времена славилась когортой художников, которым было совершенно безразлично, обласканы ли они властью или нет? Разумеется, кинематограф — это такая форма творчества, при которой необходимы и большие материальные ценности. Однако власть ведь не каждому Тютюкину доверяет и деньги дает. Руководители государства предоставляли громадные средства Сергею Федоровичу для его кинополотна, потому что ясно видели, сколь велика мера его ответственности перед державой, мера историей страны. Власть прекрасно понимала, что без идей государственности и патриотизма, которые исповедывал в своих кинематографических созданиях Бондарчук, просветительное, сильное общество обойтись не может. Когда в первые перестроечные годы эти идеи пытались выбросить на свалку истории, я подмечал в глазах Бондарчука глубокую печаль и тревогу. Мудрец и философ он, безусловно, представлял, какими глобальными разрушениями, утратами каких нравственных основ это грозит.

Правда, ему было легче, чем многим другим кинематографистам, потому что едва ли не первой своей работой — раскрытием на экране образа Тараса Григорьевича Шевченко — Бондарчук заявил себя, как победитель, и сразу вошел в золотой фонд нашей культуры, в духовную память нации нашей. Поэтому в течение всей творческой жизни он мог позволить себе выбирать роли, как актер, и материал для сценариев, как режиссер-постановщик.

На мой взгляд, творчество Сергея Федоровича — это продолжение великой русской литературы, это продолжение Пушкина, Толстого, Чехова, Шолохова. Вообще, классической русской прозе и поэзии он был предан бесконечно. Никогда не забуду, как в завершение творческого вечера в честь своего 60-летия он могуче прочитал: "Духовной жаждой тощим, в пустыне...", — он сделал паузу, многозначительно, и, как мне показалось, с укором, посмотрел в переполненный зал, и обрушил: "...МРАЧНОЙ я влачился...". Надо было видеть, как та часть киношной публики, что отличается жалкими потугами на что-то достойное в искусстве, с этими ее извечными приторными улыбками, лестью, скрывающими желчь и зависть, как даже она затихла. Без преувеличения, в тот момент наступило мгновение Вечности, и зал понял это.

...Познакомились мы с Сергеем Федоровичем (страшно подумать!) в 1956 году. На Киевской киностудии имени А.П.Довженко у молодых тогда режиссеров Александра Алова и Владимира Наумова я играл героя в фильме "Павел Корчагин" (волновался, конечно, ведь на образе Павки в то время воспитывались поколения), а Бондарчук снимался в роли Ивана Франко в одноименном фильме у режиссера Тимофея Левчука. Под цветущей яблоней во дворе киностудии стояла лавочка для курящих. Оба мы тогда были курящими, встречались в перерывах между съемками на этой лавочке и вели задушевные разговоры. Мне было 22 года, а Сергею Федоровичу — 36 лет. Он уже воевал, уже хлебнул жизни. Я, еще студент-третьекурсник Щукинского театрального училища, и он, уже известный на всю страну народный артист СССР, сидели рядом, покуривали, и никакого снисходительного отношения от него я не ощущал. Он общался со мной очень уважительно. Спустя много лет я увидел такое же уважительно-заботливое отношение Сер-

— Никаких князей Андреев, только Курагин, ты попал "в десятку", проба потрясающая...

— До свидания, Сергей Федорович, — превращал я его комплиментарный монолог, — ищите себе другого Анатоля. — И положил трубку.

Больше он мне не звонил. Потом я узнал, что в роли Анатоля Курагина он начал снимать очень хорошего и известного ленинградского актера Вадима Медведева. Каждый остался при своем деле, и как-то мы оба успокоились. И вот однажды в своем родном театре имени Вахтангова играю я в пьесе "Конармия" по мотивам рассказов Бабеля. А там у нас в прологе спектакля было задумано, что артист Лановой в образе Маяковского должен выйти на самый край авансцены, так, чтобы оказаться почти на расстоянии протянутой руки со зрительными первого ряда. Начиная я вступление: "Время — вещь необычайно длинная, были времена — прошли былинные. Ни былини. Ни эпосов. Ни эпоев". Читаю Маяковского и чувствую, что кто-то из зала дергает меня за "широкую штанину". Не прерывая поэтического монолога, я незаметно, но довольно резко шлепнул по этой, мешающей мне, руке. Однако, уходя со сцены, боковым зрением глянул в первый ряд. Ага! В самом центре восседал Бондарчук собственной персоной. В антракте — стук ко мне в гримерную. Я торжественно произнес:

— Милости прошу, Сергей Федорович!

Вошел. Сдержан и серьезен.

— Виноват. Пробачьте, дядько.

И опять этот согревающий, светящийся, приковывающий взгляд. Ну, разве можно на него сердиться? Я только вздохнул:

— Как ты мог так поступить со мной? Ты же слово дал.

— Пойми, никого, лучше тебя, на Анатоля не было.

— Я же просил только пробу, а не роль в

Народный артист СССР

Василий ЛАНОВОЙ

ПОБЕДИТЕЛЬ

Завтра. 2003. — сент. (1139). — с. 7

гея Федоровича к своим студентам. И тогда он меня также внимательно и даже почтительно расспрашивал: "А что? А что? А что ты будешь робить?". Потом качал головой, вздыхал: "А куда ж тэбэ загнали? Ой, Василько!". Говорили на нашем родном украинском языке, и так мне было хорошо, как редко вообще в жизни бывало. В его темных, мягких глазах светилась какая-то вечная, бархатная теплота, мне, как хохлу, показалось это бесконечно близким, я почувствовал себя покоренным, и с тех пор всю жизнь заглядывал в эти черные, пронизательные, добрые бондарчукские глаза мне нравились необычайно...

Потом мы не редко пересекались на радио. Сергей Федорович много работал у микрофона, участвовал и в радиопостановках, и в знаменитом в то время, очень дорогом для всех, кто любит настоящую, большую литературу, цикле "Литературные чтения". Жила в Бондарчуке и, наверное, не давала покоя, эта чисто актерская потребность прикоснуться к могуществу русского литературного слова, пропустить его через себя и выразить в голосе, в дыхании, в богатстве интонаций. Уже после "Судьбы человека", известный на весь мир, скромно шел он по коридорам Государственного Дома звукозаписи, заведя меня, приветливо улыбаясь, крепко пожимал руку и скрывался за массивной дверью студии, чтобы записать, например, рассказ Чехова "Тоска". Замечательно он прочувствовал и исполнил эту чеховскую "маленькую трагедию". Как не хватало нам сегодня молодых актеров и актрис, мечтающих не о сумасшедших гонорах и не об эпизодике в Голливуде, а стремящихся совершенствоваться в искусстве художественного чтения. Бондарчуку же этот особый род актерского творчества был необходим, как воздух! Не удивительно, что закадровый текст в картине "Война и мир" авторский толстовский текст он решил читать сам. Ведь он, ну, не менее пяти лет точно, ни на один день не расставался с романом, постигал всё это сложнейшее сплетение толстовских размышлений. Взяв на себя исполнение закадрового текста, он становился соавтором Толстого. Вспомните, как проникновенно и возвышенно интерпретирует он прозу Толстого в эпизоде "У старого дуба", или же как взволнованно и мудро исполнено им в финале толстовское заветное: "Ежели люди порочные связаны между собою и составляя силу, то людям честным надо сделать только то же самое — ведь как просто".

Вообще, экранизация "Войны и мира" в творчестве Бондарчука — тема особая. Да, восторженный прием на Родине и во всем мире, да, премия американской киноакадемии "Оскар", но я расцениваю эту работу Сергея Федоровича, как подвиг! Горжусь, что и моя главная творческая встреча с ним произошла на этой картине. У нас тогда включилась любопытная история. Он меня пригласил на роль Анатоля Курагина. Я высказал ответную просьбу:

— Сергей Федорович, дай мне, пожалуйста, попробовать на роль князя Андрея.

Он задумался, очень серьезно задумался, и, наконец, сказал:

— Почему бы нет? Не возражаю. Поглядим, каким ты предстанешь Болконским. Но раз уж ты сегодня в костюме и гриме Анатоля, давай снимем сцену для Курагина, а потом попробуешься и на князя Андрея. Даю слово.

Сыграл я на кинопробе Анатоля. Через два дня он мне звонит:

твоей картине. Просто хотелось сыграть хоть небольшой отрывок из князя Андрея, и ты обещал.

— Не держи обиды, хватит ссориться. Очень жду тебя на "Мосфильме", и очень прошу, давай-ка приступай к Анатолю — не идет у Вадима роль, хоть и снял я с ним несколько сцен, но никак он не подходит.

Так я стал в "Войне и мире" Анатодем Курагиным. Работать с Сергеем Федоровичем и как с режиссером, и как с партнером было замечательно, а наблюдать за его актерской игрой в этой картине — счастье. Никогда не забуду, как он сыграл в сцене разрыва с Элен после дуэли с Долоховым, когда на ее издевательский смех: "Расстаться? Извольте! Только ежели вы дадите мне состояние!", (Пьер хватает со стола неподъемную мраморную доску, замахивается ею на Элен и кричит: "Я убью тебя!"). Я в этом фрагменте был не занят, но присутствовал на съемках, так как в декорациях "Квартира Безухова" в тот день снимали и меня. Я уже освободился, разгримировался, переоделся, но никакая сила не могла меня выгнать из павильона: очень хотелось посмотреть, как же Сергей Федорович это сделает. Ведь в этой сцене Пьер землю-матушку готов взорвать, значит, задача актера — подыграть на невиданную трагическую вершину... Бондарчук вошел в декорацию, и мне было достаточно секундного взгляда на него, чтобы понять: да! Он готов. Он только оператору сказал тихо: "Один дубль". И, когда он начал этот эпизод играть, я, уже довольно опытный актер, сыгравший не одну главную роль на сцене и снявшийся в добром десятке фильмов, стоял в сторонке, торжествовал, гордился и любовался. Я гордился мощью моей профессии. Я любовался безграничным талантом. И вот на моих глазах с Сергеем Федоровичем началось происходить то, что случается очень редко в нашей актерской семье: в него начало поступать... Жестовое. И сегодня, когда с тех пор прошло почти четыре десятилетия, я думаю, что сыгранная Бондарчуком эта сцена стала для меня, пожалуй, главным как чисто зрительским, так и профессиональным потрясением в жизни.

После "Войны и мира" мы виделись не часто, но всегда испытывали уважение и благорасположение друг к другу. Когда в 1980 году я написал книгу "Счастливые встречи", книгу о своей судьбе и о судьбе того поколения актеров и режиссеров, у кого посчастливилось мне учиться, с кем довелось работать рядом, то первым, кто прочитал это мое сочинение, был Сергей Федорович. Встретились мы, как всегда, тепло и радостно, вспомнили 60-70-е годы, и он, поглядывая на мою рукопись, говорил, что наше поколение, может быть, намного сильнее поколения наших детей, ведь мы видели войну, мы ее пережили, мы испытали голод, холод, и нас не сломить, потому что мы знаем истинную цену добру. Он с удовольствием согласился написать предисловие к моей книге. "Актер — это, прежде всего, личность, — писал в этом вступлении Бондарчук. — Если ты как человек мелок, себялюбив, зол, то, что доброго и значительного можешь создать в искусстве? Да и во всяком другом деле?". И хотя это размышление обращено ко мне, убежден, что в нем заключается кредо самого Сергея Федоровича Бондарчука. Безусловно, великого, земного артиста и режиссера двадцатого столетия.

Публикация
Ольги ПАЛАТНИКОВОЙ